

Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья [Korally v xristianskoj kul'ture Vostochnoj Evropy i Sredizemnomor'ja]

Aleksandr Musin

▶ **To cite this version:**

Aleksandr Musin. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья [Korally v xristianskoj kul'ture Vostochnoj Evropy i Sredizemnomor'ja]. Российский археологический ежегодник [Rossijskij arxeologičeskij ezegodnik, Saint-Pétersbourg], 2014, 4, pp.433-454. ⟨hal-03222904⟩

HAL Id: hal-03222904

https://normandie-univ.hal.science/hal-03222904

Submitted on 10 May 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Мусин А. Е.

Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья

Резюме. В статье анализируется уникальная подвеска-коралл в серебряной оправе рубежа XII–XIII вв. из Новгорода. Она рассмотрена в контексте археологических и письменных источников и в связи с редкими находками кораллов в Восточной Европе. В Средние века кораллы использовались как амулеты и предметы личного благочестия, что нашло отражение в европейском искусстве первой половины XIV в. Новгородская находка отчасти заполняет хронологическую лакуну в традиции, известной с античной эпохи. Можно предполагать, что новгородцам благодаря их европейским контактам были известны апотропеические функции коралла. Подвеска из коралла могла появиться в Новгороде в результате торговых предприятий и паломничества в западную часть Средиземноморья, включая Италию, Францию и Испанию.

Ключевые слова: кораллы, амулеты, предметы личного благочестия, христианство, иконопись, паломничество, Новгород, Средиземноморье.

Musin A. E. Corals in the Christian culture of East Europe and Mediterranean area. The article deals with a unique coral pendant in silver setting found in Novgorod and dating from the turn of the XII–XIII centuries. It is analyzed on the basis of archaeological and written sources. The other archaeologically known corals from Eastern Europe, though rare, are considered too. During the Middle Ages corals were in use as amulets and Christian devotional objects. This fact was clearly reflected in European art since the first half of the XIV century. The find from Novgorod fills the chronological gap in the tradition known since the Late Antiquity. Furthermore, it suggests that the citizens of medieval Novgorod, thanks to their European contacts, could have been aware of the apotropaic meaning of corals. The coral pendant could find its way to Novgorod as a result of trade operations and pilgrimage to the western part of the Mediterranean, including Italy, France, and Spain.

Keywords: corals, amulets, devotional objects, Christianity, icon painting, pilgrimage, Novgorod, Mediterranean.

Изделия из кораллов практически неизвестны в Восточной Европе в эпоху Средневековья. На этом фоне особого внимания заслуживает подвеска — коралл в металлической оправе, найденная при археологических раскопках усадьбы «К» Неревского конца в Новгороде (Н-56, Нер-XVI, уч. Е, 22-1184А-4; НГМЗ, КП 34792/1342; Арциховский, Колчин 1957: 40) (рис.1: *1*). Рисунок подвески из

Археологический ежегодник-4-2014.indd 366 07.10.2014 13:37:23

коралла «бледно-розового цвета» был впервые опубликован М. В. Седовой (Седова 1981: рис. 80: *7* на цв. илл. между с. 180 и 181). Предмет описан исследовательницей как «привеска, состоящая из веточки коралла, оправленной в головку-колпачок с отверстием для шнура или цепочки» (Седова 1981: 45). В первое издание ювелирных изделий Новгорода, охватывающее материалы раскопок 1951–1955 гг., предмет из коралла включен не был (см.: Седова 1959). Не нашлось ему места и в последующих изданиях (Седова 1996), очевидно, в связи с представлениями о происхождении подвески (Седова 1981: 46).

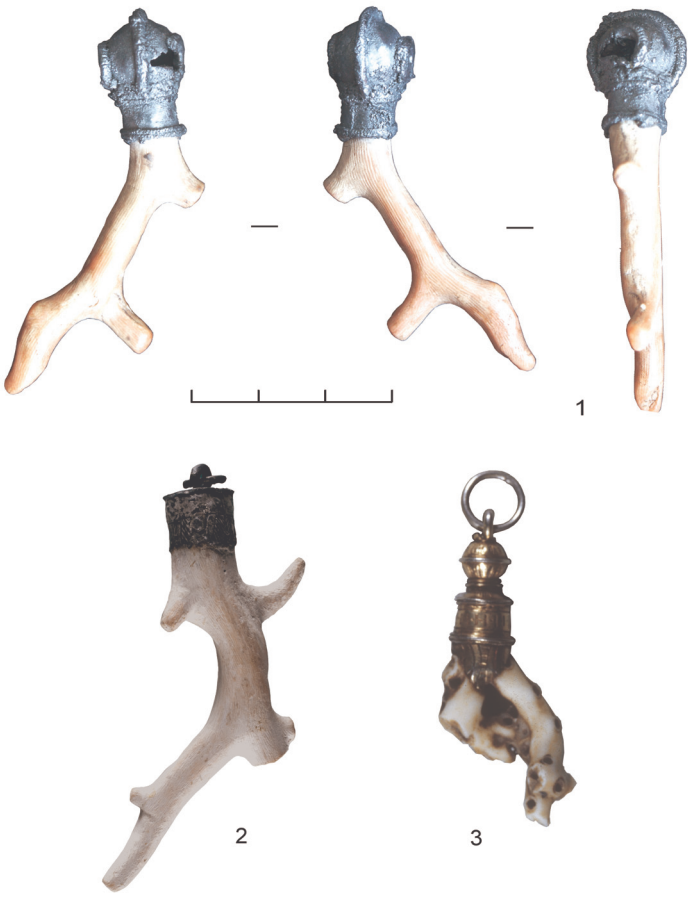

Рис. 1. Амулеты-подвески из коралла на территории Древней Руси и Европы: *1* — подвеска из коралла с серебряным оглавием, Новгород, рубеж XII–XIII вв. (НГМЗ; КП 34792/1342); *2* — амулет из коралла, могила при церкви св. архангела Михаила, Альгеро, Сардиния, XIV в. (по: Milanese 2010); *3* — амулет из белого коралла с серебряной позолоченной оправой, 1475–1550 гг. (музей искусств Уолтерса, Балтимор, США, инв. № 57. 1992).

Fig. 1. Coral pendants-amulets from Old Russia and Europe. *1* — coral pendant in silver setting, Novgorod, turn of the XII–XIII cc. (Novgorod State Museum Preserve; КП 34792/1342); *2* — coral amulet, grave at the Church of St. Michael the Archangel, Alghero, Sardinia, XIV c. (after Milanese 2010); *3* — white coral amulet in gilded silver setting, 1475–1550 (Walters Art Museum, Baltimore, USA, inventory no. № 57. 1992).

Археологический ежегодник-4-2014.indd 367 07.10.2014 13:37:23

Археологический слой, откуда происходит находка, был отнесен М. В. Седовой в разных местах публикации к «концу XII в. (70-е годы) и началу XIII в. (20-е годы)» (Седова 1981: 45) и к «концу XII в.» (Седова 1981: 184). Однако предложенное исследовательницей соотнесение подвески с 16/17-м ярусами Неревского раскопа, с точки зрения разработанной Б. А. Колчиным схемы датировки мостовых улиц по данным дендрохронологии (17-й ярус — 1177 г., 16-й ярус — 1194 г., 15-й ярус — 1224 г.), противоречит столь широкой дате, охватывающей полстолетия. Согласно М. В. Седовой, коралловая подвеска была найдена «около 17-го яруса мостовой Великой улицы» (Седова 1981: 45). Действительно, 22-й пласт, из которого происходит предмет, по данным археологического отчета соответствует 17-му ярусу мостовой Великой улицы и 16-му ярусу мостовой Козмодемьянской улицы. Однако подвеска найдена не «около мостовой», а во «внутреннем заполнении сруба 22», дендродаты которого нам неизвестны. В действительности, как явствует из приложенного к отчету чертежа пласта с указанием распространения находок, предмет найден несколько южнее сохранившейся конструкции. В отчете указано, что сруб зафиксирован в 22–23-м пластах (Арциховский, Колчин 1957: 111–113). При описании ярусов эта конструкция отнесена к 16-му ярусу, в который также входят срубы 20, 21 и 23.

В раскоп вошел лишь угол конструкции, в частности ее северная и западная стены (Арциховский, Колчин 1957: 39–40). Длина западного бревна 4,8 м, его диаметр 28 см. Северное бревно имело диаметр 35 см, его длина в отчете не указана. Однако соединение бревен впритык безо всякой врубки (Арциховский, Колчин 1957: рис. 10) заставляет сомневаться, действительно ли это срубная конструкция. П. И. Засурцев, похоже, вообще не включил «сруб 22» в свои планы ярусов. К тому же в период существования застройки 17-го яруса во 2-й половине XII в. на территории усадьбы «К» располагался сад (Засурцев 1963: 96, 110, рис. 45), что, скорее всего, исключает выпадение здесь в культурный слой в это время престижных вещей. Скорее, находка должна быть отнесена к 16-му ярусу (Засурцев 1963: 97, 144, рис. 46), т. е. к началу — 1-й половине XIII в.

Подвеска принадлежит одной из двух выявленных раскопками концентраций находок в южной части сруба, из которых стоит отметить: берестяной туес, не менее 12 фрагментов стеклянных браслетов, скорлупу грецкого ореха, мутовку и деревянную чашу. В соседних квадратах были найдены медная проволока, костяной гребень, медная бляха, слюда и железная пряжка. По наблюдениям О. А. Тарабардиной, наибольшее количество стеклянных браслетов, встреченное на этом раскопе, фиксируется в 20-м пласте и приходится на середину XIII в. Следовательно, 22-й пласт может датироваться временем приблизительно на 40 лет раньше. Известно, что 16-й ярус мостовых Великой улицы Б. А. Колчин относил к 1190-м гг. и даже к концу этого десятилетия, а восточный участок Козмодемьянской улицы кроме дендродат, относящихся к 1190-х гг., имеет еще и даты 1211–1212 гг., что связано с ремонтом настила после пожара. Раскоп «К», вскрывший настилы Козмодемьянской улицы, при исследовании которых и были получены эти даты — примыкал в качестве северо-восточной прирезки к раскопу Неревский-XVI. Похоже, что на чертежах 16-го яруса в отчете 1956 г. вместе со «срубом 22» приведена западная часть именно этой мостовой, поскольку мостовая на чертеже имеет настил, а в более

Археологический ежегодник-4-2014.indd 368 07.10.2014 13:37:24

ранних ярусах настилы не сохранились[1]. Соответственно, находку стоит отнести к самому концу XII — началу XIII в., и предложить для нее более узкую, чем у М. В. Седовой, дату — 1190–1200-е гг., возможно, середина — конец этого периода.

Определенную характеристику обитателям этой усадьбы средневекового Новгорода могут дать тексты берестяных грамот и прочие «социальные маркеры» из числа археологических находок. Так, к концу XII — первой четверти XIII в. относится НБГ № 222, которая является письмом Матфея к Гюргию (Арциховский, Борковский 1963: 43, 44–45). Ее адресат предположительно отождествляется с новгородским посадником 1210-х гг. Гюргием Иванковичем, сыном другого новгородского боярина Иванки Захарьевича (Зализняк 1993: 182–185). Грамота упоминает «жеребьи» доли, предположительно связанные с дальней торговлей в складчину. Об участии некоего Георгия, который может быть соотнесен с адресатом нашей грамоты, и его соратника Путилы в успешных торговых операциях упоминает современная событиям НБГ № 165, найденная на расположенной к северу усадьбе «Б» (Арциховский, Борковский 1958: 51). Кроме этого, в грамоте № 222 упомянуты «колбяги». Колбяги, как группа средневекового населения, известны благодаря тексту «Русской Правды» и привилегиям византийских императоров последней четверти XI в., освобождавшим афонские монастыри от постоя иностранных наемников, в том числе и загадочных «колбягов». Следовательно, их стоит отнести к числу лиц, имевших связи с Византией и даже участвовавших в торговле, что и может объяснить их отношения с Гюргием Иванковичем (ср., однако, мнение: Янин 1986: 237–239).

Связь лиц, некогда проживавших на усадьбе «К», с новгородской аристократией подтверждается и находкой костяной прикладной печати XV в. с геральдической эмблемой в виде птицы и круговой легендой «Василия Микитича» (Н-55, Нер-XVI, 5-1255; Янин 1959: 304–305, рис.1: *9*). Ее владелец, скорее всего, отождествим с Василием Никитичем, который, согласно письменным источникам, был в 1416–1423 гг. посадником в Новгороде и, предположительно, в Старой Руссе (Янин 1962: 241, 242, 244–247, 266, 268–269, 270; 1959: 304). Важно упомянуть о находке в южной части усадьбы «К», в слоях 3-й четверти XIII в. (возможно, 1260–1270 гг.) оловянной ампулы с «узором в виде перекрещивающихся линий» (Н-56, Нер-XVI, 13-18-1298; НГМЗ, КП 34792 / А 110-1162). Ранее находка ошибочно связывалась с усадьбой «И», которая, на самом деле, отделена от нее мостовой Великой улицы (деление усадьбы на «К» и «К-1» в 13-м ярусе, как кажется, не прослеживается, см.: Засурцев 1963: 127, 144, рис. 48). М. В. Седова считала ее местным, «со следами литейного брака», подражанием «византийским образцам» — паломническим ампулам из Фессалоник (Седова 1981: 173, 174, рис. 74: *3*). Однако в действительности это настоящая паломническая ампула из Святой Земли, изготовленная путем литья плохого качества из чистого олова (ср. аналогичные находки XIII в. и формочки для их отливок в Акре (Израиль) и Коринфе (Греция): Syon 1999: 113–115, 318, fig. 2; Davidson 1952: 75–76, pl. 53, № 576). Такой материал нехарактерен для древнерусского ремесла. Очевидно, ампула, как и коралл, была привезена непосредственно из Средиземноморского региона.

[1] Благодарю в. н. с. НГМЗ к. и. н. О. А. Тарабардину за любезные консультации и возможность привести в настоящей статье сделанные ею наблюдения.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 369 07.10.2014 13:37:24

М. В. Седова описывает оправу подвески как литой в двусторонней форме «колпачок», украшенный «тонкой сканой нитью» (Седова 1981: 46), считая, что привеска в целом, скорее всего, итальянского происхождения. Однако стоит предположить, что ее оглавие было сделано в Древней Руси. На этот факт уже указывала М. Д. Полубояринова, которая написала, что красный «коралл привозной, а оправа, безусловно, русская» (Полубояринова 1994: 79). Эта оправа биконической формы изготовлена из сплава на основе серебра (Ag-Cu-Au)[2]. Она производит впечатление литой, но, скорее, изготовлена методом пайки, тем более что литые предметы из серебра редко встречаются во вторичном употреблении. Тот факт, что для коралловой подвески было использовано изготовленное ранее и для иного предмета оглавие, не вызывает сомнения. По наблюдениям А. А. Песковой, эту серебряную оправу корректнее сопоставить не с оглавиями меднолитых энколпионов, которые, кстати, известны среди археологических находок в Новгороде середины XIII в. (Н-86, Тр-VIII, 12-9-656; НГМЗ; см.: Янин, Рыбина, Хорошев, Гайдуков, Сорокин 1987: 102, рис. 219), а с серебряными неподвижными оправами каменных крестов-тельников и оглавиями медальонов в виде биконической бусины, известными в рязанских и киевских кладах (Даркевич, Борисевич 1995: рис. 19–21; Жилина 2010: рис. 108: *8*). Г. Ф. Корзухина называла подобные оглавия «неподвижные ушки» «бусиной». Они известны, в частности, у медальонов киевского клада 1939 г. и у «Суздальского оплечья» из клада, найденного в 1851 г. у дер. Исады Владимирской губернии (Корзухина 1954: 119, 147, табл. 39: *1–3*, № 101, 169; Гущин 1936: табл. 24–25), т. е. в составе кладов, зарытых в период между 70-ми гг. XII в. — 1240 г.[3] Эти хронологические наблюдения хорошо согласуются с датировкой слоя, откуда происходит новгородский коралл с аналогичным оглавием.

Обратимся к вопросу о происхождении коралла, его значении в местной культуре и возможным обстоятельствам появления на севере Руси. По справедливому мнению М. В. Седовой, подвеска из коралла свидетельствует о связях Новгорода «с южными странами Средиземноморья» (Седова 1981: 46, 184). Исследовательница дополнительно указала, что эти связи подтверждаются находкой в Новгороде средиземноморской губки (Арциховский 1950: 15, 16, рис. 13), названной почему-то в публикации «банной греческой губкой». Известно, что средиземноморские губки могли иметь литургическое употребление и до сих пор применяются на православных богослужениях. Такая очевидно редкая для Восточной Европы находка все же встречается в быту средневековых горожан. Кроме уже известного нам экземпляра, отчеты новгородской археологической экспедиции содержат информацию еще о нескольких губках (Н-52, Нер-II, 18 пл., 13 яр.: Арциховский, Колчин 1953: 204; Н-53, Нер-III, 29 пл.: Арциховский 1954: 140; Н-80, Тр-V, 16–351: Янин, Колчин, Ершевский, Миронова, Рыбина, Хорошев 1981: 43). К сожалению, видовой анализ находок

[2] Ag — 95,3%, Cu — 1,61%, Au — 3,09%. Исследование состава металла выполнено к. и. н. Н. В. Ениосовой (кафедра археологии исторического факультета МГУ) и к. г.-м. н. Р. А. Митояном (кафедра геохимии геологического факультета МГУ).

[3] Благодарю с. н. с. ИИМК РАН к. и. н. А. А. Пескову за возможность поделиться в настоящей статье результатами ее любезных консультаций.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 370 07.10.2014 13:37:25

не производился. В настоящее время в составе коллекций ГИМ и НГМЗ эти предметы не выявлены.

Найденный в Новгороде коралл принадлежит к виду *Corallium rubrum* (Linnaeus, 1758) (подробно описан в: Lacaze-Duthiers 1864; см. также: Harmelin 2000: 11–12; о современной ситуации см.: Bruckner 2009)[4]. Этот вид встречается преимущественно в западной части Средиземного моря (Marchetti 1965; Harmelin 2000: 16–17). Сведения о находках в восточной части региона немногочисленны, а иногда и сомнительны (ср., однако: Chintiroglu, Dounas, Koukouras 1989). Плиний в своем труде «Естественная история» (XXXII: 2) впервые упоминает зоны добычи кораллов на рубеже эр в Лионском заливе рядом с Йерскими островами (Стехадами) и Марселем. К X–XII в. карта их добычи серьезно меняется. Центрами добычи и импорта становятся Тунис и Алжир, о чем сообщают арабские и еврейские авторы — Ибн Хаукаль, Аль-Бекри и Эдриси, что не исключает продолжения добычи кораллов в Южной Европе, в частности на Сицилии и в Лигурии (Bresc-Bautier 1985: 181–182; Bresc 2000a: 41). На рубеже XII–XIII вв. география промысла и обработки кораллов вновь претерпевает изменения — ее центром снова становится Марсель (Baratier, Reynaud 1951: 141, 648; Blancard 1978: 18; Mouton 1998: 18). В XV в. добыча кораллов опять широко известна в Магрибе (Bresc 2000a; см. также Bresc-Bautier 1985).

Если торговля осуществлялась главным образом необработанными веточками коралла (coral en rama, coral brancha pulida), то их обработка могла происходить как на месте, так и сосредоточиваться в удаленных центрах (Bresc 2000b: 217). С XIV в. коралловая индустрия активно развивается в Каталании, на Сардинии и Корсике и других местах. Крупные центры обработки кораллов известны в Трапани на Сицилии (Bresc 2000a: 47–48) и в Торре-дель-Греко (регион Компания, провинция Неаполь) (Torntore 2004). Согласно письменным источникам, предметы из коралла производились в мастерских Парижа во второй половине XIII–XIV вв. (Bresc 2000a: 46), а в Барселоне во 2-й половине XIV в. нарезкой и полировкой кораллов занимались почти исключительно еврейские ремесленники (Rich 2009: 55; Coulon 2004: 162, 381). Если в XIV–XV вв. из Марселя и Барселоны ездили торговать на Кипр и в Александрию (Bresc 2000a: 49), то про поступление кораллов из района Западного Средиземноморья в Византию ничего не известно.

М. В. Седова уже обратила внимание на то, что на картинах итальянских мастеров встречаются изображения Мадонны с младенцем Христом, на шее которого висит коралловый амулет-«джетаторе», который, согласно народным поверьям, избавляет от «дурного глаза» (Седова 1981: 46, 49, прим. 109). В качестве примеров она привела икону Джованни ди Бартоломео Кристиани «Мадонна с младенцем на троне с предстоящими ангелами» (1365–1370 гг.) из собрания ГМИИ в Москве (рис. 2: *1*) и так называемую Мадонну Штрауса — образ Богоматери с младенцем из Музея изобразительных искусств в Хьюстоне,

[4] Автор признателен в. н. с. Зоологического института РАН д. б. н. С. Д. Гребельному (Санкт-Петербург) за помощь в исследовании и любезные консультации. Версия возможного среднеазиатского происхождения этого коралла как ископаемого, изделия из которого известны в культуре Бухары, Самарканда и Хивы, в данной статье не рассматривается.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 371 07.10.2014 13:37:25

Рис. 2. Изображение амулетов из коралла в итальянской иконописи XIV–XV вв. *1* — Мадонна с младенцем на троне с предстоящими ангелами, фрагмент, Джованни ди Бартоломео Кристиани, 1365–1370 гг., ГМИИ, инв. № 176, Москва, Россия; *2* — Мадонна с младенцем, фрагмент, мастер мадонны Штрауса 1385–1389 гг., Bonnefantenmuseum, инв. № 3586, Маастрихт, Нидерланды; *3* — Мадонна с младенцем из церкви Санта-Мария-ин-Платеа, фрагмент, Джакомо дель Кампли, середина XV в., епархиальный музей Кампли (регион Абруццо, провинция Терамо), Италия; *4* — Мадонна с младенцам и двумя ангелами-музыкантами, фрагмент, Джорджио Скьявоне, 1459–1460 гг., Walters Art Museum, инв. № 37–1206, Балтимор, США; *5* — Мадонна Брера, фрагмент, Пьеро делла Франческо, 1472 г., Пинакотека Брера, Милан, Италия; *6* — Мадонна Сенигаллия, фрагмент, Пьеро делла Франческо, 1474 г., Национальная галерея Урбино, Италия; *7* — Мадонна делла Виттория, фрагмент, Андреа Мантенья, 1496 г., Лувр, Париж.

Fig. 2. Depictions of coral amulets in Italian icon painting of the XIV—XV cc. *1* — Mother and Child on a throne, a fragment, Giovanni di Bartolomeo Cristiani, 1365–1370, State Museum of Art History, inventory no. 176, Moscow, Russia; *2* — Mother and Child, a fragment, Master of the Strauss madonna 1385–1389, Bonnefantenmuseum, inventory no. 3586, Maastricht, Netherlands; *3* — Mother and Child from the Basilica of Our Lady in Platea, a fragment, Giacomo dell' Campli, mid–XV c., Campli Eparchial Museum, Italy; *4* — Mother and Child with two angels, a fragment, Giorgio Schiavone, 1459–1460, Walters Art Museum, inventory no. 37–1206, Baltimore, USA; *5* — Madonna Brera, a fragment, Piero della Francesca, 1472, Pinacoteca di Brera, Milan, Italy; *6* — Madonna di Senigallia, a fragment, Piero della Francesca, 1474, Urbino Galleria Nazionale, Italy; *7* — Madonna della Vittoria, a fragment, Andrea Mantegna, 1496, Louvre, Paris.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 372 07.10.2014 13:37:25

США (инв. № 44-565) (1400–1415 гг. или 1395–1400 гг.)[5]. Эти наблюдения должны были дополнительно подтвердить гипотезу об итальянском происхождении подвески.

В этой связи необходимо понять, каким образом средиземноморский в своей основе амулет мог восприниматься в средневековом Новгороде. Изначально стоит обратиться к социальным и культурным функциям амулетов из коралла и их истории. Работы, посвященные этим сюжетам или затрагивающие их косвенно, достаточно многочисленны (см. ниже, некоторые издания оказались нам недоступны, например: Cicogna, Cattaneo-Vietti 1993). Сведения о сверхъестественном происхождении кораллов и соответствующих свойствах приводятся уже у античных писателей (Leurini 2000). Овидий в «Метаморфозах» так описывает завершение поединка Персея и Медузы Горгоны: герой, «воды зачерпнув, омывает геройские руки / И чтобы жесткий песок не тер головы змееносной, / Вниз настилает листвы и в воде произросшие тростья / И возлагает на них главу Форкиниды Медузы. / Каждый росток молодой с еще не скудеющим соком, / Яд чудовища впив, мгновенно становится камнем; / Стебли его и листва обретают нежданную крепость. / Нимфы морские, дивясь, испытуют чудесное дело / Тотчас на многих стеблях, — и сами, того достигая, / Рады, и вот семена все обильнее в воду бросают. / Так и осталось досель у кораллов природное свойство: / Только их воздух коснись — и сразу становятся тверды; / Что было в море лозой, над водою становится камнем» (Овидий 1983: IV, 740–752). В силу таких представлений связь кораллов с кровью и кровеносными сосудами будет одной из основных версий в народных верованиях вплоть до эпохи Средневековья.

Однако это убеждение не было единственным. Плиний в «Естественной истории» убеждал читателя, что прием внутрь истертого в порошок коралла исцелял от желудочных колик (XI: 37). Здесь же впервые сообщается о наличии у кораллов специфической функции «детского оберега»: ветвь коралла вокруг шеи ребенка служит ему надежной защитой (surculi infantiae adalligati tutelam habere credendum [XXII: 11]; Magdelaine 2000: 240, 244). Средневековые рецепты IX–X вв. в целом воспринимают античную традицию, полагая, что коралл не только останавливает кровотечения (причем в случае с месячными он предупреждает не только их тяжелые последствия, но и задержки), но и лечит понос, зубную боль и эпилепсию. Лишь с началом влияния арабской медицины европейские представления о защитных свойствах коралла получают новый импульс, а сам коралл начинает применяться при лечении глазных болезней (Magdelaine 2000: 243, 246). Позднее считалось, что он позволяет человеку пережить и природные явления: бури, молнии и град, помогает в мореплавании и сельском хозяйстве (см. также о роли коралла в народной медицине, где ископаемые кораллы уравнивались в своих свойствах с белемнитами: Grabner

[5] В своей работе М. В. Седова ссылалась на публикацию: Каталог выставки картин из собрания музеев США. М., 1976. Очевидно, речь идет о каталоге: Западноевропейская и американская живопись из музеев США [Каталог выставки, пер. с англ.]. М.: Советский художник, 1976 (без пагинации). См. расширенную публикацию: Западноевропейская и американская живопись из музеев США. Каталог. Ленинград — Москва — Киев, 1976. [Пер. с англ.]. М.: Советский художник, 1978. № 34 (без пагинации).

Археологический ежегодник-4-2014.indd 373 07.10.2014 13:37:26

1969; Thenius, Vávra 1996: 59, 70–71, 112). Если при кровотечениях и внутренних болезнях средневековые лапидарии предлагали выпить смесь порошка, пепла или частиц коралла с водой или вином, то, дабы избежать отравления, его следовало вешать на шею так, чтобы коралл касался живота, а с целью предотвратить опьянение его нужно было держать во рту (Trondike 1923b: 853–654).

Знакомство с латинскими текстами свидетельствует, что коралл в поздней Античности и раннем Средневековье преимущественно использовался как «взрослый амулет». Его ношение на шее предписывалось больным эпилепсией, причем носиться коралл должен был не в виде подвески, а в специальном мешочке. Об этом пишут Квинт Серен (III в.) и Александр Тралесский (VI–VII вв.). Так, в льняной мешочек следовало положить коралл, корень пиона и сморчок, собранный при ущербной луне (Alexander von Tralles 1963: 571). О необходимости ношения коралла на шее при эпилепсии писали Альберт Великий и Арнольд Саксонский (De Virtute universali, 19: valet contra quamlebet fluxum sanguinis et epilepsiam et contra vana monstra collo suspensus et demoniaca; цит. по: Rose 1875: 433), причем последний из авторов, в согласии с Костой бен Лукой, утверждал, что уже Галиен добивался успеха во врачевании, вешая коралл на шею больных, хотя информации об этом в трудах самого античного врача не содержится (Dixit Galenus: expertus fui rebeum corallum et suspendi in collo qui habitat dolorem stomachi directe; цит. по: Rose 1875: 424, 427; Throndike 1923a: 656).

В эпоху Средневековья происходит христианизация верований в исцеляющую силу коралла. Он начинает считаться надежным средством против видений и демонов, так как его ветви имеют форму процветшего креста (corallo — deminibus terriblis est, et hoc forte quia frequenter modum crucis haber ramorum eius distention; Thomas Cantimpratensis 1973: 359 [XIV, 15]). Спасительные свойства коралла и его мистическая связь с кровообращением начинают непосредственно соотноситься с искупительной кровью Христа (Clifton 1997: 56). Считается, что на уровне народных верований, особенно в Италии, ветвь коралла приобретает специфику «детского амулета», оберегающего младенцев от «дурного глаза» и даже облегчающего роды (Callisen 1937: 456; Malaguzzi 1999b; Musacchio 1999; 2006). Исследователи пишут, что в силу представлений, основанных на симпатической магии, коралл становится крещальным подарком новорожденному и даже свадебным даром, приносящим плодовитость, а также используется в любовной магии (McSheffrey 2006: 62; Musacchio 1999: 137; Gilchrist 2012: 143). Наблюдения, сделанные на материалах итальянской культуры и этнографии, достаточно свободно переносились на другие европейские страны, в частности, Англию (Evans 1922; Skemer 2006: 71). Очевидно, сакральные свойства коралла были известны и в исламе, поскольку в мусульманских странах из него изготавливали четки (Bresc 2000a: 50–51). В еврейской магии в Европе коралл как детский амулет не использовался — его функции выполнял лисий зуб (Trachtenberg 2004: 135), однако еврейские ремесленники охотно изготавливали коралловые бусины для католических четок-розариев.

Существовавшие в культуре Средиземноморья представления о свойствах коралла находят свое воплощение начиная с конца XIII в., и в итальянском искусстве (Tescione 1965; Natale 1986; Bresc 2000b). Впервые изображения коралловых четок, ожерелий или амулетов на иконах можно наблюдать в работах

Археологический ежегодник-4-2014.indd 374 07.10.2014 13:37:26

Сиенской школы (Malaguzzi 1999a). Позднее, после 1340 г., эти иконографические особенности появляются во Флоренции, Умбрии, Венеции. При этом коралл чаще всего изображается именно в живописи, реже в скульптуре. Интересно, что в старших изображениях, например, на ретабле Вигорозо да Сиена (1282 г.) коралл присутствует в виде бусин ожерелья. Некоторые исследователи полагают, что первое изображение коралла в виде подвески на шее младенца Христа относится к 1335 г. и принадлежит мастеру Уголино Лоренцо.

Рис. 3. Образ Мадонны с младенцем — предположительно древнейшее изображение коралловой подвески на иконе. Уголино Лоренцо, 1335 г., Сиена (по: Marle 1970: fig. 73).

Fig. 3. Icon of the Mother and Child — presumably the oldest depiction of a coral pendant on an icon. Ugolino Lorenzo, 1335, Siena (after Marle 1970: fig. 73).

Археологический ежегодник-4-2014.indd 375 07.10.2014 13:37:26

На им написанной иконе действительно изображена подвеска, соседствующая с крестом (Callisen 1937: 454; Marle 1970: 114–116, fig.73) (рис. 3).

Появление коралловых подвесок на иконах интерпретируют по-разному. В частности пишется, что таким образом подчеркивалась богочеловеческая природа Христа, что связано с влиянием проповеди францисканцев (Callisen 1937: 454–456, fig. 3, 4; Clifton 1997: 56). Некоторые исследователи отмечают, что за этим стоит общая тенденция гуманизации иконографии XIV–XV вв. вообще. Если Христос как Богочеловек существовал в истории как обычный младенец, то Он, как обычный младенец, имел право носить «детский амулет» от «дурного глаза» — коралловую подвеску (Callisen 1937: 455). Такой подход предполагал, в первую очередь, что икона отражала состояние народной культуры.

На протяжении XIV–XV вв. и позднее коралловые подвески, преимущественно в цилиндрических простых оправах, иногда на нитке коралловых бус, регулярно встречаются в европейской иконописи. Такая подвеска на простом шнурке известна, в частности, в работах «мастера мадонны Штрауса» (рис. 2: *2*). Изображение коралла с цилиндрическим оглавием вместе с двумя прорезными бубенчиками и четырехконечным крестом на простой витой веревочке можно увидеть в образе Мадонны с Младенцем из церкви Санта-Мария-ин-Платеа авторства Джакомо дель Кампли (1420–1492[?]) (рис. 2: *3*). На иконе Падуанской школы «Мадонна с младенцам и двумя ангелами-музыкантами» (1459–1460 гг.), написанной Джорджио Скьявоне, коралловая подвеска соединена с бусами оправленной в золото геммой-инталией или драгоценным камнем (рис. 2: *4*). Среди работ Пьеро делла Франческо (1420–1492 гг.) кораллы-подвески имеют традиционный светло-оранжевый цвет, как, например, в образе Мадонна Брера (1472 г.), где коралл соединен с ожерельем хрустальной бусиной (рис. 2: *5*), или на иконе Мадонна Синегаллия (1474 г.) (рис. 2: *6*). Наконец, на алтарном образе Мадонна дела Витториа, написанном Андреа Мантегной в 1496 г., огромный коралл фантастической формы спускается из-под купола на коралловых нитях как символ божественного покровительства (рис. 2: *7*). Около 1480 г. мастер «Легенды святой Урсулы», работавший в Кельне, поместил скромную коралловую подвеску с ожерельем из коралловых бус на шею младенца Христа на иконе, которая сегодня хранится в музее Тиссена-Борнемисы в Мадриде.

Принято считать, что на иконах отражена не просто народная культура, но традиция, сохранившаяся в быту с античных времен (Callisen 1937: 456). Однако эта версия как будто не находит прочного основания в археологических источниках. Если коралловые бусы присутствуют среди археологических находок, то подвески, насколько возможно судить по опубликованным материалам, не известны вплоть до зрелого Средневековья. В античную эпоху обработанные и необработанные кораллы в небольшом количестве встречаются как вотивные приношения в святилищах Италии и Греции (Вэлиа, Перахора), что могло быть связано с ритуалами мореходства (Hermary 2000: 137; Feugère 2000). Бусы из коралла известны в кельтском мире (Perrin 2000) и на памятниках черняховской культуры (Гопкало 2008: 77; автор допускает, что они поступали на территорию Восточной Европы из одного ремесленного центра), а также в более позднее время в погребениях на территории Швейцарии, Подунавья и Венгрии (Müller 2005; Ivanišvić, Kazanski, Mastykova 2006: 58; Gábor 1996: 382). Очевидно, в связи с этим явлением Плиний в «Естественной истории» (XXXII: 11, 23)

Археологический ежегодник-4-2014.indd 376 07.10.2014 13:37:27

замечает, что варвары воспринимают кораллы так же, как римские женщины — индийские бусы (Morel 2000).

Все археологически известные подвески из кораллов относятся к зрелому Средневековью. Так, сравнительно недавно при раскопках общей могилы, где погребались умершие в результате эпидемии «черной смерти» в XIV–XV вв., при церкви св. архангела Михаила в Альгеро, на западном побережье о-ва Сардиния (провинция Сассари), была найдена коралловая привеска с цилиндрическим оглавием, на которое была нанесена плохочитаемая надпись (Milanese, Fornaciari, Alese, Deiana, Deriu, Olia, Pagni, Panetta, Zizi 2009: 547; Milanese 2010)[6] (рис. 1: *2*). Фрагменты коралла были обнаружены в погребениях кладбища укрепленного поселения XIV–XV вв. Рока Веккья (регион Апулия, провинция Лечче, коммуна Мелендуньо) в Южной Италии (Lapadula 2008: 158, 160, fig. 4: *38, 39*), однако не ясно, происходят ли они из детских могил. Известны коралловые ветви, которые могли быть амулетами, среди материалов археологических исследований в средневековом Сан-Антонино-ди-Петри (регион Лигурия, провинция Савона, коммуна Финале Лигуре) (Murialdo 2001: 522–523). Четыре небольших необработанных фрагмента коралла, найденные при раскопках в Ружье (департамент Вар, регион Прованс — Альпы — Лазурный берег, Франция) (Demians d'Archimbaud 1980: 424). Три фрагмента происходят из выгребных ям середины — 2-й половины XIV в. непосредственно рядом с замком и в центре посада. Еще один фрагмент обнаружен в поздних слоях одного из залов нижнего замка. Эти предметы могли появиться здесь в период расцвета поселения в первой половине XIV в., однако контекст находок и отсутствие оглавий свидетельствуют, скорее, о местной обработке кораллов, чем о религиозном использовании обнаруженных предметов. Изделия из кораллов известны на Британских островах. Так, две булавки с коралловыми головками найдены во время раскопок Лондона XIII–XIV вв., где также археологически известно производство коралловых бус (Egan, Pritchard 1991; Egan, Pritchard 2002: 304, 310; Gilchrist 2012: 143, 270–271). В Винчестере, при раскопках дома XIV–XV вв. на Брук-стрит, была найдена привеска из коралла (Hinton 1990: 645; Biddle 1990). Еще один амулет из белого коралла с серебряной позолоченной оправой сложной формы конца XV — 1-й половины XVI в., происхождение которого неизвестно, хранится в Художественном музее Вальтера в Балтиморе (рис.1: *3*).

Помимо амулетов, среди сакральных предметов из коралла начиная с XIV в. встречаются бусины, использовавшиеся для четок-розариев. Они были широко распространены в Средиземноморском регионе, но встречаются и в Европе в целом, например, при раскопках одного из кладбищ XVI в. в Париже (Turgeon 2001), в Грейсвальде (Мекленбург, Верхняя Померания, Германия) (Ansorge, Kaute 1999) и в других местах. Использовались коралловые бусы и в других изделиях. Так, они украшают контур эмальерного креста-реликвария XIV в., изготовленного в регионе Марке, Италия, который хранится ныне в Музее Метрополитен, Нью-Йорк, США (инв. № 17.190.497). Письменные источники

[6] Большую помощь в поиске литературы и аналогий мне оказал д-р М. Л. Империале, Университет Соленто, Италия, которого, пользуясь случаем, автор хочет особо поблагодарить.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 377 07.10.2014 13:37:27

упоминают в Лондоне в начале XIV в. чашу, украшенную кораллами (Thrupp 1962: 171). Позднее коралл используется вне пределов религиозного искусства, в частности, для изготовления рукоятей столовых приборов середины XVI в. (Hackenbroch 1980; Kemp 1995: 182–183). Интересно отметить, что в Восточной Европе изделие из коралла найдено при археологических исследованиях городища Даугмале в Латвии в слоях X–XII вв. (Urtāns 1969: 94, fig. 72: *4*). Оно было интерпретировано исследователями как пряслице для веретена. Какие-либо гипотезы, объясняющие находку и происхождение материала, не выдвигались[7].

Итак, коралловые привески-амулеты определенно присутствуют в культуре Средиземноморья начиная с XIV в. С учетом того, что античные авторы, в частности, Плиний, сообщают нам о кораллах, которые надевали детям на шею, можно задаться вопросом: существовал ли в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья какой-либо разрыв в традиции использования подобных амулетов и не являются ли коралловые привески в металлической оправе «христианским изобретением»?

На первый вопрос следует ответить отрицательно. Стоит вспомнить известные археологически необработанные фрагменты кораллов из погребений, которые не имеют оглавий для подвешивания. Их апотропеическая функция не подлежит сомнению, однако способ ношения определенно соответствует известному из письменных источников применению матерчатых мешочков, в которых амулеты и надевались на шею. В эпоху Ренессанса этот идущий от Античности обычай переживает не только расцвет, но, возможно, и появление своих новых форм, сочетавших коралл с металлическим оглавием. Именно эта ситуация и зафиксирована в иконописи и археологии, а новгородская находка, опережающая на полтора столетия итальянские экземпляры, отчасти заполняет хронологический «псевдоразрыв». Таким образом, русская средневековая археология позволяет уточнить некоторые моменты в истории европейской культуры. При этом различие в форме оправы-оглавия новгородского и итальянских амулетов, имевших преимущественно цилиндрическую форму, подтверждает версию о местном изготовлении шаровидно-биконической оправы. Тот факт, что веточке коралла в Древней Руси была придана изготовленная из драгоценного металла — серебра — оправа, свидетельствует о ценности этого предмета в глазах его заказчика и владельца. Это, в свою очередь, способно подтвердить, что средневековому новгородцу были в целом понятны охранительные функции коралла, известные в средиземноморском обществе. Перед нами — пример «точечной» рецепции античной культуры в Древней Руси, ограниченной индивидуальным выбором, которая не получила дальнейшего развития.

В настоящее время точное происхождение кораллов методами естественных наук установить невозможно в связи с отсутствием базы данных по отдельным регионам. Специалисты формулируют такую возможность как задачу на будущее, что предполагает систематические серии анализов для возможных сравнений (Schvoerer 2000). В нашем случае вопрос происхождения коралла

[7] Благодарю д-ра Р. Спиргиса, Институт истории Латвии при Латвийском университете, Рига, за указание на эту находку и ее публикацию.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 378 07.10.2014 13:37:27

для новгородской подвески может быть гипотетически решен иными способами. М. В. Седова писала о Средиземноморье вообще. Наши знания о распространении добычи и обработки кораллов указывают нам в качестве предпочтительной зоны Западное Средиземноморье.

Сделать обоснованные предположения относительно происхождения коралла и путей его попадания в Новгород можно только на основе данных письменных и археологических источников, свидетельствующих о международных связях Восточной Европы. Мы уже отмечали возможную связь обитателей усадьбы «К» Неревского конца с торговыми операциями, возможно, непосредственно с Византией, и, предположительно, с паломничеством в Святую Землю (Акру?). Все это вроде бы указывает на Восточное Средиземноморье. Купцы, специализировавшиеся на торговле с этим регионом, должны были именоваться в Древней Руси «гречниками», что известно как по берестяным грамотам, так и по «компактному» упоминанию Ипатьевской летописью этой социальной группы под 1167, 1168 и 1170 гг. (Ипатьевская летопись 1908: 526, 528, 538). В Новгороде с ними связано не менее пяти грамот середины — 2-й половины XII в., найденных в Людином конце, в которых речь идет о торговле «греческими» или «заморскими» товарами (червленица — дорогая ткань, возможно парча, вино в «скляницах») (Янин, Зализняк, Рыбина, Гиппиус 2011: 33–39). Не исключено, что именно таким окружным путем, через Восточное Средиземноморье, коралл мог попасть на Русь.

Однако археологические находки свидетельствуют о системных контактах Новгорода и с Юго-Западной Европой, которые в какой-то момент могли оформиться в самостоятельное направление культурных и торговых связей. Стоит упомянуть находки иконок-литиков второй половины XIII в., скорее всего, венецианского происхождения. Одна из них в медной оправе с изображением Божией Матери была найдена на Лубяницком (Буяном) раскопе (1246–1270 г.) (Рындина 1968; Колчин, Янин, Ямщиков 1985: 140, № 261). Заметим, что на той же усадьбе обнаружен каменный крестик (1340–1350 гг.) (Арциховский 1968: 17) из карбонатно-лазуритовой горной породы. Материал для его изготовления, вероятно, был привезен из района гор Бадахшана — Северного Афганистана и отчасти Южного Памира, торговля с которым также была связана, в том числе, и с итальянскими купцами. Бытовые находки на этой усадьбе и берестяные грамоты свидетельствуют о связи ее обитателей с торговлей (Хорошев 1978: 185–186, 191).

В Новгороде известен еще один литик XIII в., на этот раз с изображением св. Иакова Компостельского с соответствующей надписью (S IACOB) в предстоянии фигур двух паломников в широкополых шляпах с дорожными посохами в руках. В 1-й половине XVI в. уже в Новгороде он был включен в восьмиугольную сканую оправу с позолотой, украшенную по углам жемчужинами (Даркевич 1966: 49–50, № 93; Стерлигова 2008: 419, 711, табл. 2: *149*, № 149). Панагия некогда хранилась в ризнице Знаменского собора (НГМЗ, инв. № ДРМ-21). Сегодня известно, по меньшей мере, 9 экземпляров таких образков (Papanikola-Bakirtzi 2002: 522; № 718; Buckton 1979: 13, № K; Wentzel 1959: № 36; Vickers 1974: 19–20, № 3; Buckton 1994: № 204d), однако литик из Новгорода в их число не включается. Других образков со св. Иаковом на территории Восточной Европы нет, хотя находки стеклянных иконок, изготовление которых может быть

Археологический ежегодник-4-2014.indd 379 07.10.2014 13:37:27

отнесено к XIII в., встречаются (см.: Попов, Рындина 1979: 527; Гуревич 1982; Никольская 1988; Тимашкова 1992; Залесская 1997; Беляев 1998, 2010; Пуцко 2008). Некоторые исследователи, допуская византийские, венецианские и даже германские истоки традиции изготовления подобных литиков, не исключают, что некоторые находки могут быть изготовленными на месте подражаниями. В работах традиционно различаются литики с развитой иконографией и стеклянные геммы с достаточно примитивными изображениями (Alsengemmen), которые разнятся своей хронологией и происхождением (Gurevich 1986; Гуревич 1987; Schulze-Dorrlamm 1990).

Впервые возможную связь иконок-литиков с Венецией обосновал Г. Вентцель (Wentzel 1959: 50–67). Согласно М. Россу, такие предметы могли производиться в Константинополе, на что якобы указывает как предполагаемый состав стеклянной пасты, так и изображенные здесь святые, почитание которых было характерно для столицы Византии, прежде всего, св. Феофано и св. Феодор Тирон (Ross 1962: 87–92). Однако впоследствии специалисты по средневековому стеклу традиционно считали изготовление таких иконок в Венеции в XIII в. более вероятным (Buckton 1979: 13–15; Tait 1991).

Принято считать, что образки связаны с паломничеством к мощам св. апостола Иакова в Сант-Яго-де-Компостела (Испания). В этом смысле венецианское производство просто отвечало на возникший спрос на складывающийся в христианском мире паломнический культ и его атрибуты, хотя продажу или распространение венецианских изделий в Галисии исключить нельзя. Но в Древней Руси существуют паломнические значки, которые напрямую соединяют две части Европы. Речь идет об атлантических раковинах вида *Pecten maximus* (Linnaeus, 1758), которые использовались как свидетельство совершения паломничества к мощам апостола Иакова (см.: Köster 1983; 1985). Находки XIII в. известны в Старой Руссе (Медведев 1972: 17–24), Витебске (Белоруссия) (Бубенько 2004: 141, рис.100: *16*) и древнерусском Изяславле — городище близ Шепетовки (Хмельницкая область, Украина) (Пескова 2001: 123–124, ил. 7). Пути попадания этих раковин на Русь остаются дискуссионными, однако недавние находки паломнических значков из Рима с изображением св. апостолов Петра и Павла в древнерусских городах Червень/Чермно (повят Томашув Любельский, воеводство Люблинское, Польша) и Усвяты (Псковская область, Россия) делают маршрут через Европу весьма вероятным (Musin 2012: 253, rys. 1; см. также: Imperiale 2012).

Согласно существующей гипотезе, к моменту изготовлении новгородской панагии смысл центрального образка со св. Иаковом мог быть утрачен. Заказчиком и мастером он мог восприниматься как тронный образ Христа Спасителя с предстоящими, где округлые завершения паломнических посохов казались спинкой престола. Это предположение трудно подтвердить или опровергнуть. Однако появление в Древней Руси западносредиземноморских кораллов, паломнических знаков из Рима, итальянских иконок-литиков и раковин пилигримов из Сантьяго-де-Компостелла делает появление иконки со св. Иаковом именно в Новгороде и именно в XIII в. более чем вероятным. Стоит обратить внимание на связь образка св. апостола Иакова со Знаменским собором, главный праздник которого отмечался на день памяти св. мч Иакова Перского (27 ноября/10 декабря). Случаи отождествления в средневековом сознании культа одноименных святых встречаются достаточно часто (Мусин 2002).

Археологический ежегодник-4-2014.indd 380 07.10.2014 13:37:27

Итак, археология располагает важным корпусом находок, подтверждающих существование культурных связей Древней Руси и Новгорода с Западным Средиземноморьем. Известны и другие свидетельства о контактах Восточной Европы с Западной, Юго-Западной и Южной Францией (Иоаннисян 2007; Мусин 2012; см. также: Мусин 2009), частности, кириллическое паломническое граффито Семка Нинославича, конца XII — 1-й половины XIII в. в аббатстве Сан-Жиль-дю-Гард, в районе Марселя (Hartman-Virnich 2013; Куделин, Виноградов, Казанский 2013: 116), т. е. как раз там, где в интересующее нас время существовала добыча кораллов. Известно кириллическое граффито русского паломника середины XII в. Лазаря Ярышевича, диакона из Мурома, предположительно направлявшегося в Сант-Яго-де-Компостелла, которое тот оставил в соборе св. Мартина в Лукке (регион Тоскана, Италия) неподалеку от побережья Лигурийского моря (Dell'Agata 1973–1974; Дел'Агата 1978; некоторые сведения о контактах с Италией см. в: Перхавко 2012). Таким образом, наши знания о религиозных, культурных и торговых контактах Древней Руси не противоречат возможности происхождения коралла, найденного в Новгороде в слоях рубежа XII/XIII — начала XIII в., из Южной Франции или Италии. Он попадает на север Европы в результате активных международных связей этого средневекового города.

Литература

Арциховский А. В. 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК 33, 3–16.

Арциховский А. В. 1954. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1953 г. Т. 1: Неревские раскопы I-VI. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф.-1. Р-1. № 860.

Арциховский А. В. 1968. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1967 г. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3549.

Арциховский А. В., Борковский В. И. 1958. Новгородские грамоты на бересты (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР.

Арциховский А. В., Борковский В. И. 1963. Новгородские грамоты на бересты (из раскопок 1956–1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР.

Арциховский А. В., Колчин Б. А. 1953. Отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1952 г. Т.1: Раскопы Неревский I-III. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 703.

Арциховский А. В., Колчин Б. А. 1957. Отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. Т.1. Раскопы Неревский XV–XVIII. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1278.

Беляев Л. А. 1998. Московские литики // Кукушкин Ю. С. (ред.). 1998. Культура славян и Русь. М.: Наука, 316–327.

Беляев Л. А. 2010. Образцы церковного искусства из раскопок 1990-х — 2000-х гг. в Москве: резные иконки и литики // Проблеми на изкуството [София] 1, 25–30.

Бубенько Т. С. 2004. Средневековый Витебск. Посад — Нижний Замок (X — первая половина XIV в.). Витебск: Изд-во Витебского ун-та.

Гопкало О. В. 2008. Бусы и подвески Черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ.

Гуревич Ф. Д. 1982. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ 43, 178–182.

Гуревич Ф. Д. 1987. Об одной группе стеклянных гемм из древнерусских городов // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1985. М.: Наука, 515–521.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 381 07.10.2014 13:37:27

Гущин А. С. 1936. Памятники художественного ремесла в Древней Руси X–XIII вв. Л.: Печатный двор.

Даркевич В. П. 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). САИ Е1-57. М.: Наука.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ.

Дел'Агата Д. 1978. Стари кирилски надписи в катедралата «Сан Мартино» в град Лука // Тодоров Н., Тыпкова-Заимова В., Драгова Н., Жечев М., Генова Л. (ред.), Славянские культуры и Балканы. Т.1: IX–XVII вв. София: Изд-во Болгарской АН, 62–65.

Жилина Н. В. 2010. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН.

Залесская В. Н. 1997. Литики XIII в. в собрании Государственного Эрмитажа // Этингоф О. Е. (ред.). Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 150–156.

Зализняк А. А. 1993. О вероятной связи ряда берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 181–185.

Засурцев П. И. 1963. Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4 (МИА 123). М.: Изд-во АН СССР.

Иоаннисян О. М. 2007. К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Алексеев Ю. Г. (ред.). Труды по русской истории: сборник статей в память о 60-летии И. В. Дубова. М.: Парад, 277–315.

Ипатьевская летопись. 1908. Полное собрание русских летописей. 2. СПб.: Типография М. А. Александрова.

Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В. 1985. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство.

Корзухина Г. Ф. 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР.

Куделин А. Б., Виноградов В. А., Казанский Н. Н. 2013. Программа фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики». Отчеты по проектам за 2013 г. М.: ИРЯ РАН (http://iling-ran.ru/official/2012-2014_oifn_langlit_report_2013.pdf).

Медведев А. Ф. 1972. Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1970–1971 гг. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5126.

Мусин А. Е. 2002. «Два Кирилла, три Леонтия…» Особенности восприятия небесного патроната в древнерусском сознании // Мельникова Е. А. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. Мат-лы конф. М.: ИВИ РАН, 164–168.

Мусин А. Е. 2009. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Беляев Л. А. (ред.). 2009. Archeologica Avraamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 231–272.

Мусин А. Е. 2012. Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // ЗИИМК 7, 132–147.

Никольская Т. Н. 1988. Редкая находка из Серенска // Тимощук Б. А. (ред.). 1988. Древности славян и Руси. М.: Наука, 45–47.

Овидий Публий Назон. 1983. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. Пер. с лат. М.: Художественная литература.

Пескова А. А. 2001. Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Залесская В. Н. (ред.). Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб.: ГЭ, 113–126.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 382 07.10.2014 13:37:28

Перхавко В. Б. 2012. Русско-итальянские пересечения и соприкосновения в X–XII веках // Rossica Antiqua 1, 3–32.

Полубояринова М. Д. 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Янин В. Л., Гайдуков П. Г. (ред.). [Первые] Новгородские археологические чтения: Мат-лы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород: НГМЗ, 75–82.

Попов Г. В., Рындина А. В. 1979. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М.: Наука.

Пуцко В. Г. 2008. Средневековый литик с берегов Угры: об одной необычной археологической находке // Московский журнал 7, 56–57.

Рындина А. В. 1968. Итальянская камея XIII века с изображением Богоматери Одигитрии из Новгорода // СА 4, 209–216.

Седова М. В. 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 (МИА 65). М.: Изд-во АН СССР, 223–261.

Седова М. В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука.

Седова М. В. 1996. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X–XV вв. (по данным археологии): каталог // Стерлигова И. А. (ред.). 1996. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М.: Наука, 414–446.

Стерлигова И. А. (ред.). 2008. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI–XVII вв. М.: Северный паломник.

Тимашкова Т. Г. 1992. Иконки-литики из Одесского археологического музея // ВВ 53, 168–170.

Хорошев А. С. 1978. Раскопы южной части Плотницкого конца // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 174–196.

Янин В. Л. 1959. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 (МИА 65). М.: Изд-во АН СССР, 299–305.

Янин В. Л. 1962. Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ.

Янин В. Л. 1986. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А*. 1986. Новгородские грамоты на бересты (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 220–251.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Рыбина Е. А., Гиппиус А. А. 2011. Берестяные грамоты из раскопок 2010 года // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 25. Великий Новгород: НГМЗ, 30–39.

Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. 1981. Отчет Новгородской археологической экспедиции МГУ и ИА АН СССР за 1980 г. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 8049а.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н. 1987. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1986 г. М.: МГУ // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11363.

Alexander von Tralles. 1963. Opera: Original Text und Übersetzung nebst einer einleitenden Abhandlung. Ein Beitrage zur Geschichte der Medizin. Th. Puschmann (Hrsg.). 2 vol. Amsterdam : A.M. Hakkert.

Ansorge J., Kaute P. 1999. Eine Korallenperlenkette aus Greifswald von um 1300 // Archäologische Berichte für Mecklenburg-Vorpommern 6, 125–128.

Baratier E., Reynaud F. 1951. Histoire du commerce de Marseille. T. 2. Paris: Plon.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 383 07.10.2014 13:37:28

Biddle M. 1990. Artefacts from Medieval Winchester. Vol. 1: Object and Economy in Medieval Winchester. Oxford: Clarendon Press.

Blancard L. 1978. Documents inédits sur le commerce de Marseille au moyen-âge: contrats commerciaux du XIIIe siècle. Genève: Mégariotis.

Bresc H. 2000a. Pêche et commerce du corail en Méditerranée de l'Antiquité au Moyen Âge // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 43–53.

Bresc H. 2000b. De sang et d'or. Traces artistiques et archéologiques du corail médiéval et moderne // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 217–224.

Bresc-Bautier G. 1985. Le corail sicilien dans la Méditerranée médiévale // Galley M., Ladjimi Sebai L. (dir.). L'homme méditerranéen et la mer : actes du troisième Congrès international d'études des cultures de la Méditerranée occidentale. Vol. 1. Tunis: Salammbô, 181–198.

Bruckner A. W. 2009. Rate and extent of decline in Corallium (pink and red coral) populations: existing data meet the requirements for a CITES Appendix II listing // Marine Ecology Progress Series 397, 319–332.

Buckton D. (ed.). 1994. Byzantium: Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. London: British Museum Press.

Buckton D. 1979. Twelve medallions // *Tait H*. (ed.). The Golden age of Venetian Glass [exhibition catalogue]. London: British Museum Press, 13–15.

Callisen S. A. 1937. The Evil Eye in Italian Art // The Art Bulletin 19, 450–462.

Chintiroglu H., Dounas C., Koukouras A. 1989. The presence of Corallium rubrum (Linnaeus, 1758) in the eastern Mediterranean Sea // Mitteilungen aus dem Zoologischen Museum in Berlin 65, 145–149.

Cicogna F., Cattaneo-Vietti R. (ed.). 1993. Il Corallo Rosso in Mediterraneo: Arte, Storia e Scienza. Roma: Ministero delle Risorse Agricole, Alimentari e Forestali, Centro Lubrense Esplorazioni Marine.

Clifton J. 1997. The Body of Christ in the Art of Europe and New Spain*,* 1150-1800. New York: Prestel.

Coulon D. 2004. Barcelonne et le grand commerce d'Orient au Moyen Age: un siècle de relations avec l'Égypte et la Syrie-Palestine (ca. 1330-ca. 1430). Madrid: Casa de Velázquez, Barcelona: Institut Europeu de la Mediterrània.

Davidson G. R. 1952. Corinth: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12. The Minor Objects. Princeton: ASCA.

Dell'Agata G. 1973–1974. Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Lucca // Ricerche slavistiche 20-21, 5–14.

Demians d'Archimbaud G. 1980. Les fouilles de Rougiers (Var): contribution a l'archeologie de l'habitat rural medieval en pays mediterraneen. Paris: CNRS; Valbonne: Centre regional de publications de Sophia Antipolis.

Egan G., Pritchard F. 1991. Medieval Finds from Excavations in London. Vol. 3. Dress Accessories c.1150–c.1450. London: H.M.S.O.

Egan G., Pritchard F. 2002. Mediaeval Finds from Excavations in London. Vol. 3. Dress Accessories c.1150–c.1450. 2nd ed. Woodbridge: Boydell Press.

Evans J. 1922. Magical Jewels of the Middle Ages and the Renaissance Particularly in England. Oxford: Clarendon Press.

Feugère M. 2000. Le corail à l'époque romaine // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 205–210.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 384 07.10.2014 13:37:28

Gábor G. 1996 Középkori párták Békés megyeben (Mittelalterliche Jungfernkränze im Komitat Békés) // Studia Archaeologica 2, 381–401.

Gilchrist R. 2012. Medieval Life: Archaeology and the Life Course. Woodbridge: Boydell Press.

Grabner E. 1969. Die Koralle in Volksmedizin und Volksglauben // Zeitschrift für Volkskunde Halbjahresschrift der Deutschen Gesellschaft für Volkskunde 65, 183–195.

Gurevich F. D. 1986. Alsengemmen from Ancient Russian Towns // Journal of Glass Studies 28, 24–29.

Hackenbroch Y. 1980. A set of knife, fork, and spoon with coral handles // Metropolitan Museum Journal 15, 183–184.

Harmelin J.-G. 2000. Le corail rouge de Méditerranée: quelques aspects de sa biologie et de son écologie // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 11–20.

Hartman-Virnich A. 2013. Saint-Gilles-du-Gard. Nouvelles recherches sur un monument majeur de l'art roman. Conclusion // Bulletin Monumental 171, 399–400.

Hermary A. 2000. Le corail dans le monde grec antique: les témoignages archéologiques // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 135–138.

Hinton D. A. 1990. Archaeology, Economy and Society: England from the Fifth to Fifteenth Century. London: Seaby.

Imperiale M. L. 2012. Signa Apostolorum Petri et Pauli. Note sulla produzione delle quadrangulae di pellegrinaggio a Roma // Redi F., Forgione A. (publ.). Atti di 6. Congresso nazionale di archeologia medievale, L'Aquila, 12–15 settembre 2012. Firenze: All'Insegna del Giglio, 698–703.

Ivanišvić V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium a l'époque des Grandes Migrations. Paris: ACHCByz.

Kemp M. 1995. "Wrought by no artist's hand": The natural, the artificial, the exotic, and the scientific in some artifacts from the Renaissance // Farago C. (ed.). Reframing the Renaissance: Visual Culture in Europe and Latin America 1450–1650. New Haven, London: Yale University Press, 177–196.

Köster K. 1983. Pilgerzeichen und Pilgermuscheln von mittelalterlichen Santiagostrassen: Saint Leonard, Rocamadour, Saint-Gilles, Santiago de Compostela. Neumünster: Wachholtz.

Köster K. 1985. Les coquilles et enseignes de pélerinage de Saint-Jacques de Compostelle et des Routes de Saint-Jacques // Santiago de Compostela: 1000 ans de pélerinage européen : [exposition], Gand, Centrum voor kunst en cultuur, Abbaye Saint-Pierre. Bruxelles : Crédit communal de Belgique, 85-95.

Lacaze-Duthiers H. 1864. Histoire naturelle du corail: organisation, reproduction, pêche en Algérie, industrie et commerce. Paris: J. B. Baillière et fils; Londres: H. Baillière; Madrid: C. Bailly-Baillière.

Lapadula E. 2008. Oggetti accessori dell'abbigliamento, di ornamento e di uso personale dal cimitero bassomedievale di Roca Vecchia (LE) // Studi di Antichità 12, 151–169.

Leurini L. 2000. Il corallo nei testi greci e latini // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 81–97.

Magdelaine C. 2000. Le corail dans la littérature médicale de l'Antiquité gréco-romaine au Moyen Âge // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 239–253.

Malaguzzi S. 1999a. Il corallo e la madonna col Bambino:...e liberaci dal male // Art e Dossier 150, 15–19.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 385 07.10.2014 13:37:28

Malaguzzi S. 1999b. Il corallo e le sue proprietà medico-magiche // Art e Dossier 150, 18.

Marchetti R. 1965. Ricerche sul corallo rosso della costa ligure e toscana. I. Distribuzione geografica // Rendiconti Istituto Lombardo di scienze e lettere 99, 255–278.

Marle, van, R. 1970. The Development of the Italian Schools of Painting. Vol. 2. New York: Hacker.

McSheffrey S. 2006. Marriage, Sex, and Civic Culture in Late Medieval London. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Milanese M. (ed.). 2010. Lo scavo del cimitero di San Michele ad Alghero (fine XIII–inizi XVII secolo). I campagna di scavo (giugno 2008-settembre 2009). Pisa: Felici.

Milanese M., Fornaciari G., *Alese Y., Deiana A., Deriu C., Olia P., Pagni G., Panetta A., Zizi G.* 2009. Il cimitero medievale di San Michele — Lo Quarter (Alghero, SS). Campagne di scavo 2008-2009 // Volpe G., Favia P. (ed.). 2009. Atti del V Convegno Nazionale di Archeologia Medievale. Firenze: All'Insegna del Giglio, 541–548.

Morel J.-P. 2000. Les conclusions d'un archéologue // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 301–303.

Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). 2000. Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia.

Mouton P. 1998. Corail rouge. Marseille: Autre temps.

Müller K. 2005. Thirteen-hundred-year-old bead adornments from Baar, Canton Zug, Switzerland // Beads: Journal of the Society of Bead Researchers 17, 58–68.

Murialdo G. 2001. Gli elementi da parure in osso o corno e gli amuleti // Mannoni T., Murialdo G. (eds.). 2001. San-Antonino : un insediamento fortificato nella Liguria bizantina. 2 vol. Bordighera, Firenze: Istituto internazionale di studi liguri, 521–523.

Musacchio J. M. 1999. The Art and Ritual of Childbirth in Renaissance Italy. London, New Haven: Yale University Press.

Musacchio J. M. 2006. Lambs, coral, teeth, and the intimate intersection of religion and magic in Renaissance Tuscany // Cornelison S. J., Montgomery S. B. (eds.). Images, Relics, and Devotional Practices in Late Medieval and Renaissance Italy. Tempe: Ariz, 139–156.

Musin A. 2012. Z wiecznego Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czermna // Bagińska J., Piotrowski M., Wołoszyn M. (red.). Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy. Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów: Instytut Archeologii, Uniwersytet Rzeszowski, 243–255.

Natale, *di, M. C*. 1986. I corallo da mito a simbolo nelle espressioni pittoriche e decorative in Sicilia // Maltese C., Di Natale M. C. (eds.). Coralli: Talismani sacri e profani. L'Arte del corallo in Sicilia. Catalogo della Mostra. Palermo: Novecento, 79–107.

Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). 2002. Every Day Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Thessalonike: Museum of Byzantine Culture.

Perrin F. 2000. L'origine de la mode du corail mediterranean (Corallium Rubrum L) chez les peuples celtes: essai d'interpretation // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 193–203.

Rich A. 2009. Coral, silk and bones. Jewish artisans and merchants in Barcelona between 1348 and 1391 // Nottingham Medieval Studies 53, 53–71.

Rose V. 1875. Aristitoteles De lapidibus und Arnoldus Saxo // Zeitschrift für Deutsches Altertum 18, 321–455.

Ross M. C. (ed.). 1962. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 1. Metalwork, Ceramics, Glass, Glyptics, Painting. Washington (D.C.): Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 386 07.10.2014 13:37:28

Schvoerer M. 2000. Le conclusion d'un physicien // Morel J.-P., Rondi-Costanzo C., Ugolini D. (eds.). Corallo di ieri, corallo di oggi. Bari: Edipuglia, 299–300.
Schulze-Dorrlamm M. 1990. Bemerkungen zu Alter und Funktion der Alsengemmen // Archäologisches Korrespondenzblatt 20, 215–226.
Skemer D. C. 2006. Binding Words: Textual Amulets in the Middle Ages. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
Syon D. 1999. Souvenir from Holy Land: A Crusader Workshop of Lead Ampullae from Acra // Rozenberg S. (ed.). Knights of the Holy Land: The Crusader Kingdom of Jerusalem. Jerusalem: The Israel Museum.
Tait H. (ed.). 1991. 5000 Years of Glass. London: British Museum Press.
Tescione G. 1965. Il corallo nella storia e nell'arte. Napoli: Montanino.
Thenius E., Vávra N. 1996. Fossilien im Volksglauben und im Alltag: Bedeutung und Verwendung vorzeitlicher Tier- und Pflanzenreste von der Steinzeit bis heute. Frankfurt am Main: Kramer.
Thomas Cantimpratensis. 1973. Liber de Natura Rerum. H. Boese (ed.). Berlin, New York: de Gruyter.
Throndike L. 1923a. A History of Magic and Experimental Science. T. 1. New York: Columbia University Press.
Throndike L. 1923b. A History of Magic and Experimental Science. T. 2. New York: Columbia University Press.
Thrupp S. L. 1962. The Merchant Class of Medieval London, 1300–1500. Ann Arbor : University of Michigan Press.
Torntore S. J. 2004. Precious red coral: markets and meanings // Beads: Journal of the Society of Bead Researchers 16, 3–16.
Trachtenberg J. 2004. Jewish Magic and Superstition: A Study in Folk Religion. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
Turgeon L. 2001. French beads in France and Northeastern North America during the sixteenth century // Historical Archaeology 35(4), 58–82.
Vickers M. 1974. A note on glass medallions in Oxford // Journal of Glass Studies 16, 18–21.
Wentzel H. 1959. Das Medaillon mit dem Hl. Theodor und die venezianischen Glaspasten im byzantinischen Stil // Gramberg W., Heise C. G., Möller L., Meister P. W., Wentzel H. (Hrsg.). 1959. Festschrift für Erich Meyer zum sechzigsten Geburtstag 29. Oktober 1957. Studien zu Werken in den Sammlungen des Museums für Kunst und Gewerbe Hamburg. Hamburg: E. Hauswedell & Co, 50–67.
Urtāns V. 1969. Arheoloģiskie pētījumi Daugmalē // Muzeji un kultūras pieminekļi 1, 89–96.

Археологический ежегодник-4-2014.indd 387 07.10.2014 13:37:28